

Глава 15. Особый метод учителя Нина

—

В других частях сада Диму он еще не освоился, но о кабинете у Байляня сохранились кое-какие воспоминания.

За кабинетом располагалась бамбуковая роща, а слева был сливовый сад; из каждого открытого окна открывался свой неповторимый вид.

Внутри всё оставалось по-прежнему: высокие книжные полки до самого потолка были забиты свитками и книгами, а на стене позади висели длинные свитки из рисовой бумаги и золотой фольги с каллиграфией и живописью. Среди них были работы самого Нин Муяня, произведения знаменитых мастеров прошлого, а также каллиграфия учителя Нин Муяня.

Хозяин этого кабинета обычно, облаченный в парчовые одежды, стоял перед письменным столом – либо слегка склонившись за работой над картиной, либо чинно восседая в кресле тайши* и набрасывая сочинения. Он трудился сосредоточенно, любил тишину и почти не обращал внимания на то, что происходит за окном, сам по себе являя собой часть пейзажа.

[*Кресло тайши (太師椅, tài shī yǐ) — это традиционное китайское массивное кресло с подлокотниками, символизирующее высокий статус и достоинство. Название переводится как «кресло великого наставника». Оно отличается строгой геометрической формой, высокой спинкой и богатым декором (резьба, инкрустация).]

Байлянь заглянул в дверной проем и увидел сосредоточенного молодого мужчину, который в этот момент листал книгу, словно и не заметил его появления.

Видя такую серьезность, Байлянь осторожничал и не смел издать ни звука, боясь потревожить прилежного учёного.

Он на цыпочках подошел и поставил чай как раз нужной температуры на свободный край стола. Он уже собирался пригласить Нин Муяня выпить чаю, но, подняв глаза, увидел, что слева от сидящего мужчины лежит книга «Узы седины», справа — «Ода двоим», а в руках он перелистывает «Напевы трех жизней».

Рука Байляня невольно замерла, а готовые сорваться с губ слова застряли в горле.

Напротив, Нин Муянь оторвался от книги и посмотрел на Байляня, который застыл с таким видом, будто из-за неудобного сна у него разболелась голова:

— Что случилось?

Хотя Байлянь и не читал этих книг, по названиям он понял, что это вовсе не исторические хроники или классическая поэзия, а скорее те любовные романы, которые так любят барышни и молодые господа и которые часто встречаются в лавках на рынках.

Он прикусил нижнюю губу: «Вы встаете в час Мао (05:00–07:00), раньше первых петухов, чтобы засесть в кабинете за чтение вот этого?»

Однако вслух он этого сказать не посмел, лишь произнес:

— Эти книги кажутся совсем не похожими на остальные в кабинете.

— Вот как? — Нин Муянь закрыл книгу, даже глазом не моргнув. — Просто некоторые экземпляры из моей коллекции, их не принято выставлять напоказ.

— Вот оно что. Весьма своеобразная коллекция. Мне показалось, они очень похожи на те, что продаются на рынках и с которых уличные рассказчики читают свои истории.

У Нин Муяня дрогнул уголок глаза:

— Все книги делаются схожим образом. Коллекционные издания – это тоже обычные книги, просто их хранят из-за выдающегося содержания.

— Понятно, — Байлянь с улыбкой кивнул и с видом прилежного ученика посмотрел на Нин Муяня. — Не знаю, как называются эти книги и о чем в них говорится, но я бы тоже хотел изучить их в будущем.

Нин Муянь тактично взял чашку чая и, опустив брови, отпил:

— «Искусство войны» Сунь-цзы, «Методы Сыма», «Вэй Ляо-цзы»* – всё это книги по военному искусству. Если хочешь, когда выучишь грамоту, я найду для тебя издания получше.

[*Это фундаментальные классические труды по военному искусству Древнего Китая. Они входят в «Семь военных канонов» (У-цзин ци шу) — это собрание из семи наиболее влиятельных древнекитайских военных трактатов. «Искусство войны» Сунь-цзы (Сунь-цзы бинфа) — самый известный трактат (ок. VI в. до н.э.), посвященный стратегии, позиционированию и победе без боя. «Сыма фа» (Законы военного дела / Методы Сыма) — работа IV в. до н.э., обсуждающая законы, военную организацию и командование. «Вэй Ляо-цзы» — трактат IV—III вв. до н.э., уделяющий большое внимание административному контролю и организации.]

Байлянь улыбался, но в этой улыбке таился кинжал: «Ну и мастер же ты врать в глаза, Нин Муянь, пользуешься тем, что я якобы неграмотный!»

— Премного благодарен, молодой господин. Но неужели вам так нравится читать подобные книги?

Нин Муянь помедлил:

— Раньше не нравились, но позже, по воле случая, они попались мне на глаза и помогли пережить один очень трудный период.

«Врет и не краснеет, да еще и во вкус вошел», — Байлянь едва сдерживался, чтобы не скривиться.

— Хорошо, твое место вон там. Иди и осмотришься.

Байлянь посмотрел туда, куда указал Нин Муянь: рядом с основным письменным столом появился еще один столик поменьше с круглым стулом, на котором лежала маленькая мягкая подушечка с вышитыми уточками-мандаринками – очень мило.

Он сел на стул и увидел, что на столе уже приготовлены «четыре сокровища кабинета»: кисти, тушь, бумага и тушечница, а также стопка книг. Притворяясь неграмотным, Байлянь пролистал их одну за другой: это были «Тысячесловие», «Троесловие», «Расширенные мудрые

изречения», «Лес начальных знаний» и «Основы ритмики» – простые пособия для начального обучения, вполне традиционные и серьезные.

Но чем правильнее они выглядели, тем больше Байлянь презирал «усердного ученика» Нин Муянь. Наверняка, пока он будет здесь корпеть над прописями, тот на другом конце стола продолжит читать свои любовные бредни.

Вскоре Нин Муянь подошел к его столу и открыл «Тысячесловие»:

— Сначала научу тебя узнавать иероглифы. Сегодня выучим первые восемь.

С этими словами он разложил на столе карточки, заготовленные заранее. Байлянь взглянул на них и увидел, что это первые слова из «Тысячесловия», написанные Нин Муянем и вырезанные отдельно. Они были в десятки раз крупнее тех, что в книге, чтобы их было легче запомнить.

— Небо (☰, тянь), Земля (☷, ди), Сокровенный (☵, сюань), Желтый (☲, хуан), Пространство (☳, юй), Вселенная (☰, чжоу), Обширный (☰, хун), Бесплодный (☷, хуан).

Услышав над ухом этот чистый и мягкий голос, Байлянь невольно повторил слова вслед за ним.

— Сначала я научу тебя их узнавать, а потом мы перемешаем карточки, чтобы проверить, действительно ли ты их запомнил.

— Угу.

Байлянь поднял глаза и взглянул на это безупречное, словно белый нефрит, лицо; теплое чувство коснулось его сердца.

Хотя он и сомневался в искренности Нин Муяня мгновение назад, видя такую тщательную подготовку и терпение, превосходящее любого учителя в школе, Байлянь вдруг подумал, что даже если он давно знает эти иероглифы назубок, тратить на это время всё равно стоит.

Нин Муянь повторил урок несколько раз и вернулся на свое место. Байлянь вертел карточки так и эдак, меняя их местами, играл и поглядывал на открытый свиток поэзии по соседству. Провозившись больше получаса, он наконец произнес:

— Молодой господин, я всё запомнил.

Услышав его голос, Нин Муянь поднял голову и поманил его рукой. Байлянь поспешно подбежал с карточками.

Нин Муянь забрал карточки, но не стал экзаменовывать его по ним, а вместо этого нашел те же иероглифы в статье, которую только что писал, и указал на них.

Байлянь подумал: «А этот учитель хитер, проверяет строго», но и это не стало для него преградой.

Видя, что юноша, немного подумав над каждым знаком, безошибочно всё называет, Нин Муянь слегка улыбнулся:

— У тебя есть талант к учению.

— Правда? — Байлянь почесал затылок. Его похвалили за то, что он учил восемь иероглифов полчаса? Неужели Нин Муянь так мало от него ожидал? — Наверное, потому что я только

начал, запоминать пока нечего, вот и дело идет быстрее.

— Неплохо.

— Значит, на сегодня это всё?

Нин Муянь медленно произнес:

— Время еще раннее, не спеши. Я научу тебя писать три иероглифа.

— Е... еще и писать?

Нин Муянь встал, достал чистый лист бумаги и расправил его с помощью пресс-папье:

— Если утром будешь учиться прилежно, днем приходить не придется.

Услышав это, Байлянь тут же сам засучил рукава и принялся помогать Нин Муяню растирать тушь:

— Какие же слова мы будем писать? Из тех, что выучили сегодня?

— Я научу тебя писать твое имя.

Байлянь закивал головой, словно цыпленок, клюющий зерно.

Фамилия и имя - самое важное. Первое, что должен усвоить любой ученик, - это умение узнавать и писать собственное имя; это обязательный урок для каждого ребенка.

По правде говоря, Байлянь был даже больше рад учиться писать, чем просто узнавать символы. И дело не в том, что в прошлом Нин Муянь на дворцовых экзаменах получил личную похвалу императора за свой каллиграфический стиль, а его статьи наперебой копировались учеными мужами. Главная причина была в том, что собственный почерк Байляня был совершенно непригоден для показа в приличном обществе.

Попрактиковаться было полезно, чтобы в будущем, став знаменитым врачом, не стать посмешищем из-за каракулей в рецептах.

Нин Муянь взял с подставки кисть из фиолетового ворса, обмакнул её в тушь и легким движением руки, словно плывущее облако или текучая вода, начал писать. Байлянь невольно залюбовался им.

Нин Муянь был статен, а в его взгляде, устремленном на кончики пальцев, сквозила такая гордость и непринужденность, что Байлянь на миг потерял дар речи. Должно быть, это и есть то благородство, что исходит от человека из знатной семьи, обладающего глубокими знаниями.

Когда он впервые увидел его в прошлом, тот показался ему небожителем. Он мог часами торчать в кабинете, тайком разглядывая его, и не чувствовал усталости.

— Готово.

— А? — Байлянь очнулся и, немного смутившись, поспешно перевел взгляд на бумагу. Увидев три мощных иероглифа, проступивших на белом листе, он на мгновение заколебался и поджал губы: — И это мое имя?

Нин Муянь не сказал ни «да», ни «нет», лишь молча стоял, заложив руки за спину.

Байлянь стиснул зубы. Молчание – знак согласия, но глядя на три огромных иероглифа «Нин Му Янь» (□□□), выведенных на бумаге, он потерял дар речи.

— Все новички начинают с изучения имени. Эти несколько коротких знаков – самые сложные для написания. Если их освоить, этого будет достаточно на долгое время.

Байлянь выдавил фальшивую улыбку: «Да, да, логично. Но ты не учишь меня писать мое имя, а подсовываешь свое – это что вообще значит?»

Он хотел показать, насколько его имя глубокое и необычное, или решил выбрать такой странный способ, чтобы сбить ученика с толку?

Заметив, что Байлянь смотрит на иероглифы с не самым лучшим выражением лица, Нин Муянь слегка склонил голову и спросил:

— Что не так?

Байлянь хмыкнул:

— Ничего, просто не ожидал, что в моем имени так много черточек, будет непросто выучить.

И он вздохнул:

— Эх, не знаю, когда и смогу написать его хорошо. Если бы можно было завтра...

— Если усердно тренироваться, всё получится. Зачем же падать духом, еще не начав? — Не дав Байляню закончить его ленивые оправдания, Нин Муянь прервал его, снова обмакнул кисть в тушь и вложил её в руку юноши: — За утро ты должен научиться писать эти три иероглифа. Не требую каллиграфического совершенства, но ты должен уметь их воспроизвести.

И добавил:

— Если к обеду не научишься, я распоряжусь, чтобы рыбу с периллой, которую сегодня готовят на кухне, не отправляли в Тяньмэньдун.

Этого нельзя было допустить!

Байлянь тут же сжал кисть и принялся выводить на бумаге три иероглифа вслед за Нин Муянем.

Фамилию Нин писать было легко, она получилась в пару движений. Почерк Байляня и так был не ахти, а тут он еще и намеренно решил позлить Нин Муяня, выписывая знаки вкривь и вкось. Закончив, он с невинным видом повернул голову и спросил:

— Ну как?

— Как курица лапой.

Лицо Байляня вытянулось. «Зришь в корень, но учишь всякой ерунде».

В тот момент, когда он в душе вовсю поносил стоящего рядом человека, он внезапно почувствовал тепло на своей правой руке, державшей кисть.

Его глаза расширились: Нин Муянь накрыл его руку своей, вплотную встав за его спиной. Другая рука легла на пояс юноши. Склонившись к самому его плечу, он произнес:

— Когда пишешь, спина должна быть прямой, рука, держащая кисть – твердой, а сила должна прилагаться и отпускаться свободно.

Две руки вместе скользнули по бумаге, и безжизненные до этого символы обрели душу.

Байляня окутал аромат сандала; он не смел даже вздохнуть, его щеки покраснели от напряжения. В такой момент было уже не до каллиграфии – его рука не дрожала только потому, что её крепко держали.

Неужели Нин Муянь всегда так усердно учит писать? Не слишком ли это хороший сервис?

— Не отвлекайся, будь внимательнее.

—

Примечание автора:

Байлянь: «Я бы и рад быть внимательнее, но ты думаешь, что каждый – Лю Ся-хуэй*, способный оставаться безучастным, когда его окружает такая красота?»

[*Лю Сяхуэй — реальный исторический деятель Древнего Китая. В китайской культуре он стал символом непоколебимой нравственности, чей образ жизни и поступки легли в основу многих конфуцианских притч о самоконтроле и честности. Самая известная легенда гласит, что однажды Лю Сяхуэй в холодную ночь укрыл своим халатом замерзающую женщину и держал её в объятиях, чтобы согреть. При этом он остался абсолютно спокоен и чист в своих намерениях, не поддавшись вожделению.]

—

<http://bllate.org/book/15039/1356175>